

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

город Минск

21 февраля 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №101, используя предоставленную данной нормой право, заявляю особое мнение в отношении выводов Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Большой коллегии Суда), на основании которых в решении от 21 февраля 2017 года установлен факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части обеспечения свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремления к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, осуществления единого таможенного регулирования и статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов таможенного союза от 21 мая 2010 года.

О содержании обязательств в нормах статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года

1.1. Нормы статей 1 («Учреждение Евразийского экономического союза. Правосубъектность»), 3 («Принципы функционирования Союза») 4 («Цели Союза») и 25 («Принципы функционирования таможенного союза») Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), в силу предмета регулирования и

правовой конструкции, не могут рассматриваться как содержащие обязательства государств-членов Союза; соответственно невозможно установление факта соблюдения/несоблюдения (исполнения/неисполнения) данных норм государствами-членами Союза.

1.2. Полагаю необходимым учитывать также, что статья 3 Договора, определяющая функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений в качестве одного из основных принципов Союза, содержит условие «после окончания переходных периодов».

Статья 32 Договора, согласно которой в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование, содержит отсылку: «В Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и регулируемыми таможенными правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями настоящего Договора».

До вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе, согласно пункту 1 статьи 101 Договора («Переходные положения в отношении раздела VIII»), осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств-членов, регулируемыми таможенными правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и входящими в соответствии со статьей 99 Договора в право Союза, с учетом положений статьи 101 Договора.

Таким образом, до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза¹ (далее – ТК ЕАЭС) нет оснований для оценки действий государств - членов на предмет соответствия принципам функционирования Союза (статья 3 Договора), целям Союза (статья 4), принципам функционирования таможенного союза (статья 25 Договора) и, в частности, пункт 5 этой статьи об осуществлении свободного перемещения товаров между территориями государств -

¹ Подписан Республикой Армения, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией. Указом Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2016 г. N 499 проект Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза одобрен в качестве основы для проведения переговоров; Государственный таможенный комитет РБ уполномочен на проведение переговоров по проекту Договора, с внесением в него изменений и дополнений, не имеющих принципиального характера, и подписание Договора при достижении договоренности в пределах одобренного проекта.

ТК ЕАЭС вступит в силу, в соответствии со статьей 2 Договора от 26 декабря 2016 года, с даты получения депозитарием последнего уведомления о выполнении государствами-членами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу, но не ранее 1 июля 2017 года.

членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного, фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором).

О содержании обязательств в нормах статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза и статьи 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов таможенного союза от 21 мая 2010 года

2. Формулировка нормы статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС), исполнение которой не в полном объеме вменяется Ответчику, не содержит прямого обязательства, отсылая к случаям, определенным таможенным законодательством таможенного союза.

2.1. Большая коллегия Суда, отмечая бланкетный характер статьи 125 ТК ТС, трактует его как базовый рамочный характер, в развитие которой принята норма специального международного акта - Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее - Соглашения от 21 мая 2010 года); положение статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года в соответствии со статьей 125 ТК ТС определяет случаи, при наличии которых взаимно признаются решения таможенных органов; и имеет императивный характер, поскольку не содержит «процессуальных норм», изъятий или отсылок и в этой связи должно применяться непосредственно.

На этом основании Большой коллегией сделан вывод о том, что решения таможенных органов взаимно признаются по умолчанию, без оговорок и условий; такие решения таможенных органов имеют презумпцию их полного соответствия предъявляемым требованиям, а значит соответствия таможенному законодательству Таможенного союза, пока не доказано обратное.

2.2. Анализ положений статьи 17 «Решения таможенных органов, подлежащие взаимному признанию» Соглашения от 21 мая 2010 года, исполнение которой не в полном объеме, наряду со статьей 125 ТК ТС, вменяется Ответчику, показывает, что они фактически воспроизводят норму статьи 125 ТК ТС, определяя виды решений таможенных органов, которые взаимно признаются и имеют равную юридическую силу на таможенной территории таможенного союза.

В отличие от статьи 125 ТК ТС, статья 17 Соглашения от 21 мая 2010 года не содержит отсылку к случаям, определенных таможенным законодательством таможенного союза, но предусматривает условие

(требование) соответствия таких решений таможенному законодательству таможенного союза. Это не дает оснований считать, что взаимное признание решений таможенных органов государств - членов ЕАЭС и их равная юридическая сила на таможенной территории ТС становятся безусловными, так как, согласно части второй статьи 1 Договора о ТК ТС от 27 ноября 2009 года, положения ТК ТС имеют преимущественную силу над иными положениями таможенного законодательства таможенного союза.

Данный довод, приводимый Ответчиком, не может быть отклонен, поскольку норма части второй статьи 1 Договора от 27 ноября 2009 года не содержит такого условия, как противоречие (в отличие, например, от статьи 103 Устава ООН, на которую ссылается статья 30 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, приводимая по тексту решения).

2.3. Учитывая, что норма статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года требует соответствия решений, принятых таможенными органами при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля, таможенному законодательству таможенного союза, как необходимого условия взаимного признания и равной юридической силы таких решений, представляется неприемлемым утверждение о презумпции (предположении) полного соответствия решений таможенных органов предъявляемым требованиям.

По мнению Федеральной таможенной службы (далее – ФТС) России, содержащемуся в материалах дела, условием для взаимного признания решений, принятых таможенными органами государств - членов ЕАЭС, является вынесение решения компетентным органом и наличие необходимых реквизитов, позволяющих идентифицировать вид решения, таможенный орган, принявший такое решение, таможенные операции либо формы таможенного контроля, при осуществлении которых приняты такие решения. Правовыми последствиями несоблюдения данных условий может явиться невозможность применения положений статьи 125 ТК ТС.

Государственный таможенный комитет Республики Беларусь также указывает на обязательность условий для взаимного признания решений, определенных статьей 125 ТК ТС и статьей 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

В этом отношении уместно обратить внимание на содержащееся в статье 357 ТК ЕАЭС (которая приводится в решении в подтверждение последовательной позиции государств-членов о необходимости безусловного взаимного признания решений таможенных органов) условие оформления решений таможенных органов, принятых при

совершении таможенных операций, и результатов проведения таможенного контроля, в установленном порядке. При этом пункт 12 статьи 310 ТК ЕАЭС, в частности, определяет понятие «результаты проведения таможенного контроля» с помощью критериев «с применением форм таможенного контроля» и оформлением путем составления таможенных документов установленной формы или иным способом, предусмотренным кодексом».

2.4. Характер нормы статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года во взаимосвязи с нормой статьи 125 ТК ТС не позволяет определить данную международно-правовую норму договорного характера в качестве императивной.

Согласно статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, под императивной нормой общего международного права (*jus cogens*) понимается норма, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

2.5. В связи с особенностями норм о взаимном признании и равной юридической силы решений таможенных органов на таможенной территории таможенного союза и учитывая, что понятия «взаимное признание» и «равная юридическая сила» в таможенном законодательстве таможенного союза нормативно не определены (что отмечается и в решении Большой коллегии Суда), вызывает сомнение возможность их непосредственного применения, с позиций общепринятого понимания, как применения норм международных договоров субъектами внутригосударственного права для регулирования правоотношений в рамках национальной правовой системы (часть вторая статьи 33 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 года (в ред. от 08.01.2014) «О международных договорах Республики Беларусь», пункт 3 статьи 5 Федерального закона Российской Федерации от 16 июня 1995 года (в ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации»).

Основой механизма взаимного признания решений, принятых таможенными органами, является, судя по содержанию части V Соглашения от 21 мая 2010 года, взаимодействие государств-членов по вопросам координации системы управления рисками (статья 16). Объясняется это тем, что глава 17 ТК ТС, регулирующая взаимную административную помощь, содержится в разделе 3 ТК ТС «Таможенный контроль», из чего следует, что взаимное признание решений, принятых таможенными органами, является одним из видов

взаимодействия при проведении таможенного контроля, обусловленное совместными (с таможенными органами другого государства-члена Союза) действиями.

По мнению ФТС России, позиция которой представлена в Суд Истцом, нормы статьи 125 ТК ТС необходимы для обеспечения реализации на территориях государств - членов ЕАЭС общих процессов, например, при совершении таможенных операций, начинающихся на территории одного государства-члена, а завершающихся на территории другого государства - члена ЕАЭС, обеспечения соблюдения условий, предусмотренных правом ЕАЭС по использованию ввезенных товаров на всей территории ЕАЭС, независимо от того, в каком государстве - члене ЕАЭС товары помещены под таможенную процедуру либо приобрели определенный статус. При этом указывается, что глава 17 ТК ТС и Соглашение от 21 мая 2010 года определяют порядок взаимодействия таможенных органов государств - членов ЕАЭС и полномочия таможенных органов по осуществлению такого взаимодействия, а не устанавливают права и/или обязанности данных государственных органов при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля.

Из этой позиции, в частности, исходят и государства-участники Договора о ТК ЕАЭС от 26 декабря 2016 года, включившие в ТК ЕАЭС специальную статью 368 «Взаимодействие таможенных органов в рамках Союза», согласно пункту 2 которой взаимодействие таможенных органов осуществляется путем: 1) обмена информацией, реализуемого в соответствии с Договором о Союзе в рамках общих процессов Союза; 2) обмена информацией на регулярной основе в электронной форме в соответствии со статьями 370 настоящего Кодекса, а также в иных случаях, установленных настоящим Кодексом и (или) международными договорами в рамках Союза; 3) исполнения запросов о представлении копий документов и (или) сведений; 4) направления таможенным органом одного государства-члена информации таможенному органу другого государства-члена; 5) осуществления взаимной административной помощи; 7) взаимодействия иным способом.

При этом «общие процессы в рамках Союза в сфере таможенного регулирования определяются в целях обеспечения соблюдения положений Кодекса, в том числе обеспечения таможенного контроля в отношении товаров, перевозимых по таможенной территории Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита» (пункт 3 статьи 368 ТК ЕАЭС).

Однако данный механизм действующими в период рассматриваемых обстоятельств нормами таможенного законодательства не был закреплен.

2.6. В связи с изложенным полагаю, что для ответа Суда о наличии (или отсутствии) у Ответчика обязательства действовать в соответствии со статьей 125 ТК ТС (статьей 17 Соглашения от 21 мая 2010 года) и установления факта соблюдения/несоблюдения данной нормы необходимо, чтобы рассматриваемые по спору обстоятельства подпадали под действие норм таможенного законодательства таможенного союза, предусматривавших такие случаи в период возникновения спорных правоотношений. Только таким образом можно установить, в чем должно было заключаться взаимное признание решений таможенных органов Российской Федерации при проведении таможенного контроля таможенными органами Республики Беларусь.

Один из случаев применения норм главы 17 «Взаимная административная помощь таможенных органов» однозначно определяется статьей 206 ТК ТС «Таможенный контроль за соблюдением условий таможенных процедур» (указание на которую содержится и в состязательных документах сторон). В соответствии с пунктом 2 данной статьи таможенный контроль за соблюдением условий таможенных процедур, при помещении под которые товары не приобретают статус товаров таможенного союза, в отношении (таких) товаров, находящихся на территории иного государства - члена таможенного союза, чем то государство, таможенным органом которого выпущены товары, проводится в соответствии с главой 17 ТК ТС.

Однако применение к обстоятельствам дела и заявленным истцом требованиям норм пункта 2 статьи 206 ТК ТС в качестве обязательств ответчика невозможно в силу того, что спорный товар получил статус товара таможенного союза, согласно заключениям Калининградской ТПП.

Иных случаев, находящихся в какой-либо связи с нормами статьи 125 ТК ТС и статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года, действовавшее в период рассматриваемых обстоятельств таможенное законодательство ТС не устанавливало.

2.7. С учетом временных рамок и субъектного состава рассматриваемого периода спорных правоотношений, ссылаясь на нормы статьи 357 ТК ЕАЭС, принятого Договором о ТК ЕАЭС от 26 декабря 2016 года (и утратившего статус проекта), без участия государства-члена ЕАЭС, являющегося ответчиком по рассматриваемому спору (Республики Беларусь), и не вступившего в

силу, не может служить доказательством выводов Большой коллегии Суда.

Сравнительный анализ содержания статей 125 ТК ТС и 357 ТК ЕАЭС опровергает существование в таможенном законодательстве таможенного союза, действовавшем в рассматриваемый период, безусловного обязательства взаимного признания решений, принятых таможенными органами государств-членов Союза.

В отличие от действующей статьи 125 ТК ТС, определяющей такое признание в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза, статья 357 ТК ЕАЭС предусматривает универсальное правило о взаимном признании как решений таможенных органов, принятых при совершении таможенных операций, так и результатов проведения таможенного контроля, с условием оформления их в установленном порядке, и за исключением случаев, установленных Кодексом.

Использование в статье 357 ТК ЕАЭС термина «случаи», хотя и с противоположной, в сравнении со статьей 125 ТК ТС, целью, означает, что и после вступления в действие ТК ЕАЭС для применения данного правила необходимо будет устанавливать, не подпадают ли те или иные действия таможенных органов под исключения из общего правила.

О содержании обязательств нормы статьи 11 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов таможенного союза от 21 мая 2010 года

3. Системный анализ связанной со статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года нормы статьи 126 ТК ТС «Проведение отдельных форм таможенного контроля по поручению таможенного органа одного из государств - членов таможенного союза другому таможенному органу государства - члена таможенного союза», имеющей преимущественную силу над иными положениями таможенного законодательства Таможенного союза в силу части второй статьи 1 Договора о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года, показывает, что направление поручения при наличии оснований, указанных в ней, является правом, а не обязанностью таможенного органа, проводящего таможенный контроль.

Статья 1 Соглашения от 21 мая 2010 года «Сфера действия Соглашения», контекст которой используется Большой коллегией для подтверждения вывода, определяет лишь виды (формы) взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза.

Соответственно, при наличии оснований, перечисленных в статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года (исполнение которой в неполном

объеме также вменяется Ответчику), полагаю необоснованным вывод Большой коллегии о том, что содержащиеся в статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года основания обязывают таможенный орган одного государства - члена направлять указанные поручения таможенному органу другого государства - члена Союза и носят в контексте положений статьи 1 Соглашения от 21 мая 2010 года предписывающий характер, а нормы данного международного договора подлежат непосредственному применению и в связи с его специальным характером имеют приоритетное значение при проведении таможенного контроля; тем самым на Ответчика налагается несуществующее обязательство.

Об обязательствах, вытекающих из особенностей применения таможенной процедуры таможенного транзита в отношении товаров Союза, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза

4. Большая коллегия Суда связывает применение/неприменение статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года (исполнение которых в неполном объеме вменяется Ответчику), с признанием/непризнанием таможенными органами одного государства - члена товара, как товара Таможенного союза, следующего из другого государства - члена Союза под процедурой таможенного транзита.

В решении утверждается, что при таможенном транзите товаров Таможенного союза между территориями государств - членов и представлении в таможенные органы государств - членов документов, выданных в соответствии с актами права Союза, национального законодательства (в том числе заключений о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада товаром Таможенного союза, оформленных уполномоченными органами государства - члена) такой товар сохраняет статус товара Таможенного союза; в случае срабатывания национальной системы управления рисками в распоряжении таможенных органов государств - членов имеются действенные правовые инструменты оперативного реагирования в рамках взаимной административной помощи, установленные ТК ТС, Соглашением от 21 мая 2010 года и иными международными договорами, заключенными в рамках Союза.

Большая Коллегия Суда считает, что вопросы статуса товара как товара Таможенного союза до завершения таможенной процедуры

таможенного транзита урегулированы правом Союза, к которым относятся ТК ТС, Соглашение от 21 мая 2010 года, иные международные договоры.

4.1. Между тем, действующие в период рассматриваемых обстоятельств нормы таможенного законодательства ТС, регулирующие таможенный транзит, не дифференцируются в зависимости от статуса товаров.

Статья 215 ТК ТС, определяющая таможенный транзит как таможенную процедуру, «в соответствии с которой товары перевозятся под таможенным контролем по таможенной территории ТС, в том числе через территорию государства, не являющегося членом ТС», применяется при перевозке как товаров таможенного союза от таможенного органа места убытия до таможенного органа места прибытия через территорию государства, не являющегося членом таможенного союза (пункт 5), так и иностранных товаров (пункты 1-4).

В этой ситуации в отношении товаров ТС действует в числе других общая норма пункта 6 статьи 225 ТК ТС, согласно которой после завершения таможенной процедуры таможенного транзита перевозчик или иное заинтересованное лицо обязано совершить таможенные операции, связанные с помещением товаров на временное хранение или их таможенным декларированием в соответствии с таможенной процедурой.

Изъятия из этой нормы в отношении товаров ТС были определены лишь применительно к одному государству-члену ЕАЭС – Республике Армения (пункт 6 Протокола об особенностях перемещения товаров и транспортных средств с таможенной территории Евразийского экономического союза, включая территорию Республики Армения, на таможенную территорию Евразийского экономического союза, включая территорию Республики Армения, через территории, не являющиеся таможенной территорией Евразийского экономического союза (Приложение 5 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года²). Эти изъятия явились следствием закрепления в Протоколе нормы о том, что товары Союза при перемещении с таможенной территории Союза на таможенную территорию Союза через территории иностранных государств в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита сохраняют статус товаров Союза (пункт 5 Протокола).

² Подписан 10 октября 2014 года; вступил в силу 2 января 2015 года в соответствии с частью второй статьи 6 Договора от 10 октября 2014 года.

Тем не менее, в соответствии с пунктом 50 Статута Суд при осуществлении правосудия по рассматриваемому спору вправе применять, кроме Договора о Союзе и международных договоров в рамках Союза (в понимании статьи 2 Договора о Союзе), лишь те (иные) международные договоры, участниками которых являются государства - стороны спора (в рассматриваемом случае – Российская Федерация и Республика Беларусь). В этой связи упомянутый Протокол не может быть использован в качестве источника применимого права по рассматриваемому спору.

4.2. Названные и другие нормы, напротив, свидетельствуют о неурегулированности в таможенном законодательстве ТС, в период рассматриваемых обстоятельств, данного вопроса в отношениях между сторонами спора, что было подтверждено ими в рамках досудебного урегулирования и в процессе судебного разбирательства, с представлением разработанного и согласовываемого (вплоть до одобрения 12 августа 2016 года Межправительственным советом Евразийского экономического союза проекта ТК ЕАЭС) проекта Порядка совершения таможенных операций при перемещении товаров Евразийского экономического союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью Российской Федерации и (или) территорией Республики Беларусь через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза.

Согласованный сторонами проект, кроме норм о сохранении статуса товаров Евразийского экономического союза при их перемещении между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью территории Российской Федерации и (или) территорией Республики Беларусь через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза, в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита (пункт 1), и о подтверждении данного статуса записью на транспортных (перевозочных) документах «Товары Евразийского экономического союза», заверенной подписью и оттиском личной печати должностного лица таможенного органа отправления, как основания для завершения таможенным органом назначения таможенной процедуры таможенного транзита в отношении товаров ТС, после которой совершение перевозчиком или иным заинтересованным лицом таможенных операций, связанных с их декларированием в соответствии с таможенной процедурой, не требуется (пункты 4, 6, 10), предусматривал также обязательства таможенного органа назначения возврата товаров в таможенный орган отправления путем завершения

таможенной процедуры таможенного транзита и оформления новой транзитной декларации, в случае наличия оснований (в том числе возникших по результатам таможенного контроля) полагать, что предъявленные товары не являются товарами Евразийского экономического союза (пункт 11).

Несогласованной оставалась норма проекта о принятии таможенным органом назначения решения о проведении таможенного досмотра в отношении товаров ЕАЭС лишь в определенных случаях.

Как следует из материалов дела (письмо Министерства юстиции РБ от 28.11.2016 №04-1-11/3220 (вх. №СЕ-1-1/1-16-БК-138 от 29 ноября 2016), проект Порядка предполагал установление двусторонних обязательств, которых не существовало в период спорных обстоятельств, до их урегулирования в рамках ЕАЭС.

4.3. ТК ЕАЭС устранил пробел ТК ТС, установив, что в отношении товаров Союза, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, таможенная процедура таможенного транзита применяется с учетом особенностей, определенных главой 43 Кодекса («Особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, и (или) морем» (пункт 8 статьи 142), в частности:

в отношении прибывших на таможенную территорию Союза указанных товаров не применяются положения об обязанности совершить таможенные операции, связанные с помещением товаров на временное хранение или их таможенным декларированием (подпункт 1 пункта 6 статьи 152);

если указанные товары при ввозе на таможенную территорию Союза доставлены в таможенный орган, отличный от таможенного органа назначения и таможенного органа отправления (местом доставки, согласно пункту 5, является зона таможенного контроля органа прибытия товаров Союза на таможенную территорию Союза), такой таможенный орган завершает таможенную процедуру таможенного транзита и информирует таможенный орган назначения и таможенный орган отправления о завершении действия таможенной процедуры таможенного транзита (пункт 7 статьи 304 «Особенности применения, завершения и прекращения действия таможенной процедуры таможенного транзита в отношении товаров Союза, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую

часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, и (или) морем»).

Согласно пункту 5 статьи 142 ТК ЕАЭС товары Союза, помещенные под таможенную процедуру таможенного транзита, сохраняют статус товаров Союза, за исключением случая, указанного в пункте 3 статьи 307 Кодекса (при разгрузке, перегрузке, замене транспортных средств без разрешения таможенного органа отправления, за исключением выполненных по требованию иностранного государства, подтвержденного документально), и случаев, определенных Комиссией в соответствии с пунктом 9 статьи 304 Кодекса; Комиссия вправе определить иные случаи, чем предусмотренный пунктом 3 статьи 307 Кодекса, когда указанные товары утрачивают статус товаров Союза и при ввозе на таможенную территорию Союза рассматриваются как иностранные товары (пункты 3, 9 статьи 304 ТК ЕАЭС).

Особенности проведения проверки происхождения товаров (пункт 7 статьи 321 ТК ЕАЭС, статья 314 ТК ЕАЭС), касаются возможности направления таможенным органом соответствующих запросов; при этом таможенный орган, осуществляющий таможенный контроль за соблюдением таможенной процедуры (государства-члена, на территории которого товары помещены под таможенную процедуру, или по территории которых осуществляется перевозка таких товаров или на территории которого завершается таможенная процедура таможенного транзита), не конкретизируется; в соответствии с пунктом 3 статьи 312 ТК ЕАЭС таможенный контроль за соблюдением требований Кодекса в отношении товаров, помещенных под таможенную процедуру таможенного транзита, возложен на все указанные таможенные органы.

Таким образом, ТК ЕАЭС закрепил в качестве многосторонних обязательств основные нормы, которые согласовывали в двустороннем порядке Истец (Российская Федерация) и Ответчик (Республика Беларусь), и отсутствие которых не позволило урегулировать спор в досудебном порядке.

4.4. Изложенное доказывает, что соответствующие взаимобязывающие (таможенные органы государств-членов Союза) нормы, обеспечивающие соблюдение принципа свободы перемещения товаров ТС на территории ТС в соответствии с процедурой транзита через территорию третьего государства, в таможенном законодательстве ТС, действующем на момент спора, отсутствовали, равно как и многосторонние обязательства по ограничению, на основе взаимного признания соответствующих решений таможенных органов,

полномочий таможенного контроля таможенного органа, завершающего таможенную процедуру таможенного транзита.

Пункт 2 статьи 444 ТК ЕАЭС устанавливает: «По отношениям, регулируемым международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, возникшим до вступления настоящего Кодекса в силу, настоящий Кодекс применяется к тем правам и обязанностям, которые возникнут со дня его вступления в силу».

В одностороннем порядке такое изъятие, как выяснилось в процессе судебного разбирательства, установлено Республикой Беларусь уже после возникновения спорных взаимоотношений: при наличии оснований для отнесения товаров, перемещаемых в качестве товаров Евразийского экономического союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита из Калининградской области Российской Федерации через Республику Беларусь на остальную часть территории Российской Федерации, к иностранным товарам, таможенным органом Республики Беларусь место доставки таких товаров изменяется с таможенного органа Республики Беларусь на таможенный орган Российской Федерации в соответствии со статьей 220 Таможенного кодекса Таможенного союза (пункт 1.2. постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2015 г. №366 «Об отдельных вопросах ввоза товаров, перемещаемых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, из Калининградской области Российской Федерации на таможенную территорию Евразийского экономического союза через Республику Беларусь»).

С учетом изложенного, полагаю, что у Большой коллегии Суда отсутствовали правовые основания для выводов, определенных статьей 105 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение №2 к Договору), об установлении факта соблюдения /несоблюдения Ответчиком статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов таможенного союза от 21 мая 2010 года.

Судья Суда
Евразийского экономического союза

В. Сейтимова